

Источники и литература:

1. Анар. Микаил Рафили. Караван мыслей / Баку : издательство «Язычы», 1984. –103 с.
2. Алекберли Н. М. Рафили / Баку : – 1998. 310 с
3. Гараев Я. Портреты критики, «Личность, как мерило» / Баку : издательство «Язычы», 1988. –135 с.
4. Рафили М. Против буржуазной методологии профессора Чобанзаде. Против буржуазных наклонностей в литературоведении / Баку : Азернешр, 1931. – 165 с.
5. Рафили М. Содержание и иллюстрация в пролетарской литературе. «Революция и Культура» / журнал. – 1930. – №1. С. 99–121
6. Рафили М. Мирза Шафи Вазех и Ф. Боденштендт. / Литературная газета – 1938. – январь, февраль. С. 3–4
7. Рафили М. Завоевание успеха Мирзой Шафи Вазехом в Европе. / Литературная газета. –1938. – 24 ноябрь. С. 2–3
8. Рафили М. Низами (жизнь и творчество). / Баку : Издательство союза писателей азербайджана. –1939. 134 с.

Криворучко С.К.**УДК 821.133.1 – 3 де Бовуар. 09****ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК РЕЦЕПЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ С. ДЕ БОВУАР И М. БАРБЕРИ**

Аннотация. Творческие достижения и биография Л.Н. Толстого (1828–1910) стали предметом изучения и осмысления французских писательниц С. де Бовуар (1908–1986) и М. Барбери, повлияли на концепцию их произведений и оформились рецепцией во французской литературе. С. де Бовуар как рецепцию восприняла семейные отношения Л.Н. Толстого с его женой Софьей с точки зрения положения женщины в маскулинном мире. Опираясь на дневники Софьи Толстой, писательница проанализировала опыт и ощущения этой женщины, которые раскрыла в эссе «Второй пол» (1949). Идею, воплощенную фигурой семейного любовного треугольника, которую создал Л.Н. Толстой в романе «Анна Каренина», имя героини, проблемы существования женщины, утратившей любовь, которая была смыслом её жизни, С. де Бовуар переместила в обстоятельства 2 пол. XX в. в романе «Мандарины» (1954). Специфику отношений здоровых людей с умирающими, которые Л.Н. Толстой реализовал в повести «Смерть Ивана Ильича» (1884–1886), С. де Бовуар воплотила в повести «Очень сладкая смерть» (1964). Образы Л.Н. Толстого из романа «Анна Каренина» в приёме завуалированной интертекстуальности использовала М. Барбери в романе «Элегантная ежиха» (2008). Идеи, образы и избранные произведения Л.Н. Толстого выразились рецепцией во французской литературе, что повлияло на своеобразие литературного процесса XX в., открыло перспективу взаимосвязи и культурного диалога.

Ключевые слова: С. де Бовуар, М. Барбери, Л.Н. Толстой, рецепция, идеи.

Анотация. Творчі здобутки і біографія Л.М. Толстого (1828–1910) стали предметом дослідження і осмислення французьких письменниць С. де Бовуар (1908–1986) і М. Барбері, вплинули на концепцію їхніх творів та оформилися рецепцією у французькій літературі. С. де Бовуар як рецепцію сприйняла родинні стосунки Л.М. Толстого із його дружиною Софією із точки зору стану жінки у маскуліному світі. Спираючись на щоденник Софії Толстої, письменниця проаналізувала досвід і відчуття цієї жінки, які розкрила в есе «Друга стаття» (1949). Ідею, що втілювалася фігурою родинного любовного трикутника, яку створив Л.М. Толстой у романі «Анна Кареніна», ім'я героїні, проблеми існування жінки, яка втратила кохання, що було сенсом її життя, С. де Бовуар перемістила в обставини 2 пол. XX ст. у романі «Мандарини» (1954). Специфіку відносин здорових людей із помираючими, які Л.М. Толстой реалізував у повісті «Смерть Івана Ілліча» (1884–1886), С. де Бовуар втілила у повісті «Дуже солодка смерть» (1964). Образи Л.М. Толстого із роману «Анна Кареніна» у прийомі завуальованої інтертекстуальності використала М. Барбері у романі «Елегантна їжачиха» (2008). Ідеї, образи та обрані твори Л.М. Толстого відбилися рецепцією у французькій літературі, що вплинуло на своєрідність літературного процесу XX ст., відкрило перспективу взаємозв'язку і культурного діалогу.

Ключові слова: С. де Бовуар, М. Барбері, Л.М. Толстой, рецепція, ідеї.

Summary. The creative achievements and the biography of L.N. Tolstoy (1828–1910) became the object of research and interpretation of French writers S. de Beauvoir (1908–1986) and M. Barbery, influenced the conception of their works and took form of reception in French literature. S. de Beauvoir perceived as reception the family relations of L.N. Tolstoy with his wife Sophia from the point of view of woman status in the masculine world. Relying upon the diaries of Sophia Tolstaya, the writer analyzed the experience and feelings of this woman that she exposed in her essay “The Second Sex” (1949). The idea incarnated in the figure of family love triangle created by L.N. Tolstoy in the novel “Anna Karenina”, the name of the heroine, the problems of woman’s existence who lost love that was her purpose of life, were transposed by S. de Beauvoir in the circumstances of the second half of the XX century in the novel “The Mandarins” (1954). The specificity of relations of healthy people with the dying people realized by L.N. Tolstoy in the story “The Death of Ivan Ilyich” (1884–1886), were implemented by S. de Beauvoir in the story “A very easy death” (1964). The images of L.N. Tolstoy from the novel “Anna Karenina” were used by M. Barbery in the novel “The Elegance of the Hedgehog” (2008) in the device of veiled intertextuality. The ideas, images and selected works of L.N. Tolstoy were represented as the reception in French literature that influenced the literary process of the XX century and opened the new perspective of interrelation and cultural dialogue.

Keywords: S. de Beauvoir, M. Barbery, L.N. Tolstoy, reception, ideas.

Творческие достижения и биография Льва Николаевича Толстого (1828–1910) стали предметом изучения и осмысления французских писательниц Симоны де Бовуар (1908–1986) и Мюриель Барбери, повлияли на концепцию их произведений и оформились рецепцией во французской литературе. С. де Бовуар как рецепцию восприняла семейные отношения Л.Н. Толстого с его женой Софьей с точки зрения положения женщины в маскулинном мире. Опираясь на дневники Софьи Толстой, писательница проанализировала опыт и ощущения этой женщины, которые раскрыла в эссе «Второй пол» (1949). Идею, воплощённую в фигуре семейного любовного треугольника, которую создал Л.Н. Толстой в романе «Анна Каренина» (1873–1877), имя героини, проблемы существования женщины, утратившей любовь, которая была смыслом её жизни, С. де Бовуар переместила в обстоятельства 2 пол. XX в. в романе «Мандарины» (1954). Специфику отношений здоровых людей с умирающими, которые Л.Н. Толстой реализовал в повести «Смерть Ивана Ильича» (1884–1886), С. де Бовуар воплотила в повести «Очень сладкая смерть» (1964). Образы Л.Н. Толстого из романа «Анна Каренина» в приёме завуалированной интертекстуальности использовала М. Барбери в романе «Элегантная ежиха» (2008).

А. Матъе [7], П. Бродин [15], Л. Зонина [5, 6], Е. М. Евнина [4], С. И. Великовский [3], В. Агеева [1] анализируют поэтику и проблематику произведений С. де Бовуар. Т.В. Бовсунивская (Черновцы, 2012) исследует выражение философских идей в романе «Элегантная ежиха» М. Барбери. Однако исследователи не интерпретируют функциональность идей и образов Л.Н. Толстого, которые образуют культурный диалог в текстах этих писательниц. Таким образом, следует обратить внимание на творческие достижения Л.Н. Толстого, которые, как русская рецепция во французской литературе, отразились в произведениях С. де Бовуар и М. Барбери.

Рецепция Л.Н. Толстого во французской литературе имеет удивительную конструкцию, которая похожа на ответный удар, «альверды» или отражение зеркала в зеркале. Это объясняется историческими причинами. Интерес к западной культуре, который насильно навязывался Петром I на рубеже XVII–XVIII вв., трансформировался в абсолютное преклонение перед французской культурой в аристократической среде на рубеже XVIII–XIX вв. в эпоху романтизма и отразился в литературе 2 пол. XIX в. в произведениях критического реализма, среди которых «Война и мир» (1863–1869) и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого. Почти половина текстов этих романов написана на французском языке. Таким образом, французская культура и язык на уровне рецепции отразились в творчестве Л.Н. Толстого. Фактически, интерес самовлюблённых шовинистов французов к русской литературной традиции, которая отражает их культуру, является закономерным. В XX в. эта тенденция прослеживается в популяризации А. Жидом творчества Ф.М. Достоевского, воплощении С. де Бовуар идей и образов Л.Н. Толстого. На рубеже XX–XXI вв. также закономерно в творчестве Ф. Бегбеде и М. Уэльбека раскрывается как троп фигура Ф.М. Достоевского, в творчестве М. Барбери роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» на уровне аллюзий образует духовную связь между Францией и Японией.

Таким образом, «зеркало» – Лев Толстой, отражающее французские ценности, стало объектом в «зеркалах» С. де Бовуар и М. Барбери. Софья Толстая, её биография и экзистенциальные ощущения используются С. де Бовуар как доказательство теории «Иной» в эссе «Второй пол».

С. де Бовуар в эссе «Второй пол» вводит в обиход понятие «Иная», которое стало центральным в феминистских исследованиях, анализирует его суть в историко-социальном развитии общества и экзистенциальном смысле, и приходит к выводу, что оно сформировано психологическим комплексом неполноценности женщины, который ей навязал мужчина. Во 2 томе в главе «Замужняя женщина» для подтверждения своей точки зрения С. де Бовуар опирается на «Дневник» Софьи Толстой, когда анализирует положение женщины в браке.

С. де Бовуар осмысляет положение женщины в «феминистском» (социальные роли), «женском» (биологические доминанты) и «феминном» (комплекс культурных черт и характеристик) аспектах. Важным вкладом С. де Бовуар является выявление «феминного» культурного кода в истории цивилизации, которому подчиняются «феминистский» и «женский» аспекты. Суть «феминного» кода заключается в открытии «Иного» мышления женщины, которое сформировано маскулинным мировоззрением, и преодолении «Иного» как психологического комплекса неполноценности. Образование позиции «Иной», полагает С. де Бовуар, берёт истоки ещё в первобытно-общинной эпохе, когда в мифологическом сознании произошёл переход от Природы к Культуре.

Сферы самореализации мужчины – охота и рыбалка («убийство»), женщины – рождение ребёнка, которого она сама не может прокормить. Таким образом, более важным в начале развития человечества считалось убийство, а не рождение, смерть, а не жизнь. Онтологический смысл существования человека – усовершенствование жизни, вот почему постепенно возник институт земледелия, в котором именно женщина, когда что-либо выращивает, выражает себя как экзистант. Главным смыслом существования человека, с точки зрения философии экзистенциализма, является стремление к творчеству и личностная самореализация. Экзистант – это тот, кто самореализуется. Мышление кочевников сконцентрировано во временном пространстве на «мгновении», а мировоззрение землеробов опирается на «будущее». Поэтому в земледелии укрепляется авторитет женщины, близкой и похожей на землю, поскольку их объединяет способность «рождать», что символизирует стабильность.

Институт матриархата, как указывает писательница, формируется из возникновения земледелия, в котором появляется архетип женщина-земля. Именно тогда возникает представление в мышлении мужчины о женщине-«Иной». Иная-Женщина-Природа-Земля – это сверхъестественное явление, потому что она способна «рожать», что является чудом, поскольку мужчина тогда ещё не осознал, что он так же причастен к акту «рождения». Когда же он это понял, сработал механизм физической силы: женщина так и осталась в позиции «Иной», однако сменила свой статус: из сверхъестественного чуда превратилась во

«второстепенный», «меншинный», «слабый» объект-«служанку», который не может позаботиться о себе и своих детях без помощи мужчины.

С. де Бовуар указывает, что «феминность» предполагает преодоление статуса «Иной» как комплекса неполноценности, что направлено на открытие трансцендентности и отхода от имманентности. Соответственно, творческий поиск женщиной себя как существа должен выйти за традиционные рамки функций матери и любовницы и направиться на самореализацию личности в творческом потенциале.

С. де Бовуар осмысляет институт брака, выделяя как наиважнейшие основы для его образования материальные ценности и заботу о наследстве. В браке, по мнению писательницы, мужчина и женщина объединены общими хлопотами об имуществе, которое, по сути, принадлежит мужчине. Любовь не имеет никакого отношения к браку. Первыми поставили проблему существования любви в браке романтики на рубеже XVIII–XIX вв., полагает С. де Бовуар, герой романтической литературы умирал из-за несовершенства мира, в котором не возможно жить вместе с любимым человеком. Реалисты XIX в., наоборот, лишили брак романтического измерения и осознали его как контракт. В модернистских поисках XX в. институт брака уничтожается, поскольку индивид хочет любви – временной и скоротечной – таким образом, герой в её поисках меняет объекты в художественном тексте. Брак предполагает чувство ответственности, а любовь образуется из чувственности, которая не может выступить гарантом длительных человеческих отношений, исключением, по мнению С. Кьеркегора, является чудо.

Согласно маскулинному мировоззрению, для женщины брак является наиважнейшей карьерой, которая поможет ей реализоваться в социуме как объекту. Для мужчины женщина в браке является воплощением «Иной» – существенной, но не главной, а подчинённой. Самоутверждение «Иной» происходит в сознании окружающих её людей, которые являются субъектами, а она объектом. Таким образом, «Иная» никогда не ощутит себя экзистантом, самореализующимся в своём творчестве, поскольку она не способна быть субъектом. Только когда женщина преодолет в себе «Иную», что навязано ей мужчиной, как психологический комплекс неполноценности, она может превратиться из объекта в субъект, который способен действовать, а когда действие обернётся творчеством – станет экзистантом.

С сарказмом С. де Бовуар изображает перемены в мировоззрении женщины, когда она переходит в категорию жены. Для мужчины, считает С. де Бовуар, брак очень удобен, поскольку осуществляется биологическая цель – продолжение рода, в нём мужчина получает заботу о себе. Брак соответствует общественным отношениям, в которых уничтожается женщина как «феминный» экзистант. Главная проблема брака, по мнению С. де Бовуар, состоит в том, что муж и жена, находясь рядом, чужие друг другу: они не разговаривают, у них нет общих точек пересечения. Именно тут возникает понятие «семейной любви», которая «не имеет ничего общего ни с симпатией, ни с чувственностью, ни со страстью, ни с дружбой, ни с собственно любовью» [12, с. 91]. Любовь предполагает свободный выбор, а жена – не свободна, итак, любовь в браке это скорее парадокс.

Л.Н. Толстой, как рецепция во французской культуре, отражается, когда С. де Бовуар выделяет комплекс «Иной» в мироощущении его жены Софьи Толстой, разбирается в их семейных отношениях, для чего обращается к её дневнику. Этот материал она использует как показательный для решения ею сугубо специфической задачи: С. Толстая является типом классической жены, которая не способна самореализоваться как экзистант. Писательница решила, что физические отношения были неприятными для С. Толстой, которая в своём дневнике пишет о разнице в возрасте – 17 лет – между нею и мужем. Интересы Л.Н. Толстого и его прошлое были для С. Толстой чужды, поэтому она осознала себя отстранённой и ненужной. Так она объясняла равнодушие к ней мужа. По мнению писательницы, С. Толстая даже ощущала определённую зависть по отношению к Л.Н. Толстому, потому что смыслом его жизни было дело – творчество, которое занимало все его мысли, мечты и время: «Привык к одиночеству и утешался не людьми близкими, как я, а делом» [13, с. 66]. Жена писателя изображает себя одинокой в браке и не способной к самореализации: «Дело найти не сложно, их много, но нужно прежде всего увлечься этими незначительными делами, а потом заводить курей, бренькать на фортепиано, читать много глупостей и очень мало хороших вещей и солить огурцы» [13, с. 66]. С. Толстая осознала, что не любит мужа, который был грубым в сексуальных отношениях, жадным, вел себя по отношению к ней сурово. Именно поэтому она враждебно относилась и к его идеям. Ей не хватало его внимания и любви, это стало причиной ревности, которая, в свою очередь, стала причиной психологически болезненной обстановки в семье.

С. де Бовуар пытается развенчать миф идеального брака, который создал Л.Н. Толстой в романе «Война и мир», обращает внимание на личность писателя, а не на автора как субъекта сознания. По её мнению, если Л.Н. Толстой не был счастливым в семейной жизни, то его герои так же не могут быть счастливыми: «Самое убедительное опровержение мифа о Пьере и Наташе – семейная жизнь Льва и Софьи Толстых. Софья испытывает к мужу отвращение, считает его “невыносимым”, он изменяет ей со всеми крестьянками близлежащих деревень, она ревнует и скучает. Каждая из её многочисленных беременностей сопровождается раздражительностью, а дети не заполняют ни её сердце, ни её повседневную жизнь. Для неё семейная жизнь – бесплодная пустота, для него – ад. И оканчивается всё это тем, что она, старая истеричная женщина, бежит полуголая по мокрому лесу, а он, уже ветхий замороченный старик, оставляет дом, разрывая таким способом “брак”, который существовал всю жизнь» [13, с. 89]. С. де Бовуар толкует брак как компромисс, в котором индивиды утрачивают независимость и при этом остаются одинокими: «Это – тоска» [13, с. 89]. Признаю, что интерпретация писательницей личных дневников жены Л.Н. Толстого тенденциозна и односторонняя. Кажется, ничего из этого текста не вызвало у С. де Бовуар сомнений относительно собственного понимания. К тому же сама С. де Бовуар была лишена и возможности

иметь брак, и счастья материнства, поэтому рассуждает и подытоживает только как теоретик, у которого не было случая эмоционально пережить абстрактно построенное. Но эта интерпретация является показательной для понимания логики её рассуждений.

С. де Бовуар поднимает проблему драматизма замужества, суть которого состоит в том, что ожидаемое счастье так и не приходит. Писательница открывает в маскулинном мировоззрении дуализм, который имеет эгоистические корни: 1) «муж требует, чтоб жена в браке отдалась ему без остатка» [13, с. 103]; 2) муж «не берёт на себя никаких обязательств» [13, с. 103]. Таким образом, семейное несчастье женщины, выводит С. де Бовуар, является следствием мужского дуализма: «Он хочет, чтоб в постели она была одновременно пылкая и холодная, <...> требуя от неё полной отдачи, он хочет, чтоб она была необременительной. Жена должна укрепить его положение в свете, но не ограничивать его свободы, обеспечивать размеренное течение ежедневной жизни, но не надоедать ему, быть постоянно рядом с ним, но не докучать. Он хочет иметь её в своём абсолютном распоряжении, но не принадлежать ей, жить в семье, но чувствовать себя отстранённо» [13, с. 103]. С. де Бовуар указывает, что жена нуждается в помощи мужа. Мышление С. Толстой она интерпретирует как мазохистское. Её материнство является доказательством этого – своими бессмысленностью и пустотой оно вызывает мазохистский покой. С. де Бовуар делает неожиданный вывод: в своём дневнике жена писателя очень много говорит о своей любви к мужу именно потому, что никогда его не любила. Можно допустить, что Л.Н. Толстой интуитивно это чувствовал и поэтому странно себя вёл, пытаясь защититься от духовной пустоты и пропасти, которые были в его браке.

Безусловно, суждения С. де Бовуар связаны и её собственной теорией и убеждениями и не могут стать поводом для пересмотра, например, устоявшихся представлений о личной жизни Л.Н. Толстого. Например, она обозначает материнство как «компромисс между самовлюблённостью, альтруизмом, мечтой, искренностью, ложью, преданностью и цинизмом» [13, с. 147]. Цинизм и ложь – это ненормативные черты материнства. Если они прослеживаются у матери, их следует интерпретировать как психическую болезнь, которая придаёт характеру женщины определённые черты, но это скорее исключение. Также сомнительным является утверждение, что мать чувствует ревность [13, с. 157] по отношению к дочери, когда понимает, что взрослая девушка может обходиться без неё. Тут писательница, вероятно, рассуждает с позиции дочери, которая не знает, что действительно чувствует мать: скорее это волнение и страх, что ребёнку угрожает опасность, именно поэтому его следует защитить от окружающего мира, а не ревность. Поэтому, попытки продемонстрировать достоинства теории на конкретных примерах из жизни известных людей могут быть не совсем убедительны. Однако, трактовка Л.Н. Толстого как рецепции во французской культуре, основоположником которой можно считать Р. Роллана – книга «Жизнь Льва Толстого» (1911), открывает перспективу для осмысления творческих достижений писателя как рецепции или традиции и влияния во французской литературе, которые способствуют культурному диалогу.

В романе С. де Бовуар «Мандарины», вероятно, прослеживается модель, созданная Л.Н. Толстым в «Анне Карениной». Полагаю, следует отметить интертекстуальность образа Анны, который отсылает к роману Л.Н. Толстого. Действительно, кажется неожиданным имя, которое писательница выбирает для своей героини – Анна. Для французского сознания было бы более характерным Аннет, или Аннета, или английский вариант – Энн. Однако, С. де Бовуар выбирает имя Анна, а героиню погружает в сложный любовный треугольник, в котором женщина разрывается между мужем и любовником, в результате приходит к мысли о самоубийстве.

Фигура любовного треугольника Каренин–Анна–Вронский воплощена художественными образами Робер–Анна–Льюис. У мужей Каренина и Робера прослеживаются сходные черты: оба «взрослые» для своего века (42 года и под 60 лет); влиятельные, занимают уважаемое положение в обществе, асексуальные. Любовники Вронский и Льюис также похожи: страстные, дарящие женщине ощущение желанности, возрождающие её женственность, требующие оставить мужа. Героини Анны имеют общее имя, «старееющие» для своего века (под 30 лет и за 40 лет), когда утрачивают любовь, стремятся к суициду. Анны чувствуют, что любовь, которая была спасением и своеобразным примирением с жизнью, оставила их. Любовь, как экзистенция, была смыслом жизни женщин, но если её нет, то жить больше не стоит. С. де Бовуар так же как и Л.Н. Толстой подводит героиню к мысли о самоубийстве, которое для неё кажется выходом из жизни без любви. Однако Анна Л.Н. Толстого это осуществляет, а Анна С. де Бовуар вовремя останавливается и перерождается. Таким образом, С. де Бовуар своеобразно продолжает традиции Л.М. Толстого, но в XX в. Анна считает, как и Анна Каренина, что обязательно должна быть кому-то нужна. «Ненужность» формирует чувство «лишней» в сознании Анны и открывает пустоту в её душе. С. де Бовуар, в отличие от Л.Н. Толстого, раскрывает эволюцию в образе Анны, когда лишает её доминанты любви. Героиня подходит к философскому пониманию смысла бытия, к проблеме выбора: как жить дальше без любви.

В повести «Очень сладкая смерть» С. де Бовуар продолжает идеи Л.Н. Толстого, которые в повести «Смерть Ивана Ильича» раскрывают субстанциональный конфликт: жизнь / смерть. Носителями истины (нужно смириться со смертью и спокойно её ждать) в повести Л.Н. Толстого являются Иван Ильич и его слуга, которые противопоставляются лицемерию окружения: жена, дочь, сослуживцы, знакомые. С. де Бовуар, так же как Л.Н. Толстой, раскрывает идею экзистенциального страха человека перед смертью в художественных образах матери и дочери.

Так же как и Л.Н. Толстой, художественным образом матери С. де Бовуар воплощает идею искажения гуманизма в современных социальных институтах, когда имитация «Добра» является воплощением «Зла», что становится общепринятой нормой общества. Так же как Л.Н. Толстой, С. де Бовуар переосмысляет моральные общепринятые каноны и указывает перспективу дальнейшего развития этических ориентиров. С. де Бовуар идет дальше, чем Л.Н. Толстой, в раскрытии конфликта здорового и больного. Проблему

выбора писательница ставит не перед матерью, а перед её близкими. Проблема выбора фокусируется вокруг вечных экзистенциальных категорий: жизнь и смерть. Образом матери С. де Бовуар доказывает, что экзистенциальный страх смерти, который ощущает человек в течении жизни, гораздо «страшнее» чем смерть.

М. Барбери в романе «Элегантная ежиха» [2] образами Кити, Левина, романом «Анна Каренина», именем писателя – Лев создаёт кодовые знаки, которые являются связующими посланиями для интеллектуалов из разных социальных слоёв (консьержка / квартировладелец) и разных цивилизаций (французская / японская). Как географически между Японией и Францией расположена Россия, так и между Рене и Какуро Одзу возникает «Анна Каренина», которая как интеллектуальный символ избранности помогает распознать друг в друге родственность душ, открывает возможность любви и способствует преодолению социальной и национальной разнородности. Интертекстуальными аллюзиями писательница изображает любовь интеллектуалов «с первого взгляда»: «– Вы знали Артансов? <...> – Нет. <...> – Я не очень-то с ними водилась. Обычная семья, такая же, как все другие в этом доме. – Конечно, счастливая семья, <...> – Ну да, все счастливые семьи похожи друг на друга, <...> – Зато каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, – говорит новенький, всё так же странно глядя на меня. И тут я снова вздрогнула. Клянусь, нечаянно! Не сдержалась, дала маху, потеряла контроль над собой! <...> – У меня тоже есть кошка и кот <...> как зовут вашего? <...> – Лев <...> Он чрезвычайно деликатно прикоснулся к моей руке, слегка пожал её со словами: „Благодарю Вас”» [2, с. 139–140]. Клички кошек Лев, Кити и Левин подчёркивают эмоциональную и духовную общность хозяев Рене и Какуро: «– А как зовут его кошек? <...> – Кошку – Кити, а кота <...> Левин» [2, с. 157]. Следующим кодовым знаком в романе представлен ключевой эпизод – Какуро дарит Рене книгу Л.Н. Толстого «Анна Каренина», после чего приглашает её на ужин.

Помимо кодовых знаков рецепцией Л.Н. Толстого в романе является литературоведческий анализ художественного образа Рябины, который М. Барбери вводит во внутренний монолог Рене: «Рябинину, умеющему счесть песчинки в море, <...> нет дела до предрассудков <...> Он низкого происхождения, но умён от природы <...> печется <...> как бы повежливее облапошить вершителей дурацкой системы, которая отводит ему место презренного плебея, но не может ему помешать» [2, с. 128–129]. Вероятно, можно отметить аллюзию в фактической схожести финалов романов, но разном эмоциональном потенциале: Рене неожиданно сбивает машина, и она умирает в преддверии любви, которой не суждено реализоваться, тогда, как Анна Каренина специально бросается под поезд за порогом, как ей кажется, ушедшей любви.

Следует констатировать, что идеи, образы и избранные произведения Л.Н. Толстого выразились рецепцией во французской литературе, что повлияло на своеобразие литературного процесса XX в., открыло перспективу взаимосвязи и культурного диалога.

Дальнейший научный поиск может проследиваться в исследовании рецепции Л.Н. Толстого в текстах мировой литературы, что может повлечь за собой открытие феномена тропа или знака – Л.Н. Толстого.

Источники и литература:

1. Агеева В. Філософія жіночого існування / В. Агеева // де Бовуар С. Друга стать ; [пер. з франц. Воробйова Н., Воробйов П., Собко Я.] : в 2 т. – К. : Основи, 1994. – Т. 1. – С. 5–21.
2. Барбери М. Элегантность ёжика / М. Барберри ; [пер. с франц. Н. Малевич, М. Кожевникова]. – СПб. : Азбука, Азбука–Аттикус, 2013. – 352 с.
3. Великовский С. И. Зачем смерть? / Великовский С. И. // Бовуар С. де Очень лёгкая смерть. – М. : Прогресс, 1968. – С. 100–111.
4. Евнина Е. М. Симона де Бовуар / Е. М. Евнина // Современный французский роман. 1940–1960. – М. : АН СССР, 1962. – С. 122–145.
5. Зонина Л. Заметки об исканиях французских романистов. (60–70 гг.) / Л. Зонина // Зонина Л. Тропы времени / Л. Зонина. М., 1984. – С. 10–16.
6. Зонина Л. Искания французской интеллигенции (О романе Симоны де Бовуар «Мандарины») / Л. Зонина // Иностранная литература. – 1955. – № 6. – С. 177–183.
7. Матье А. Симона де Бовуар // Алхімія слова живого. Французький роман 1945–2000 р.р. ; [навчальний посібник для вищих навчальних закладів] / М. Мільнер, Ж. Бесьер, Б. Бланкман. – К. : Промінь, 2005. – С. 89–95.
8. Николаева А. «Манифест любви» Жан–Поля Сартра и Симоны де Бовуар / А. Николаева // Сартр Ж.–П., Бовуар С. Аллюзия любви. – М. : Алгоритм, 2008. – С. 5–13.
9. Рожкова А. А. Любовь в жизни и творчестве Симоны де Бовуар и её отражение в переписке 1930–1954 годов : дис. ... кандидата филол. н. : 10. 01. 03 / А. А. Рожкова. – Магнитогорск, 2010. – 173 с.
10. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : ВШ, 1999. – 400 с.
11. Beauvoir S. de Les Mandarins / S. de Beauvoir. – P. : Gallimard, 1954. – V. I. – 509 p.
12. Beauvoir S. de Les Mandarins / S. de Beauvoir. – P. : Gallimard, 1954. – V. II. – 507 p.
13. Beauvoir S. de The Second Sex / S. de Beauvoir. – New York : Alfred A. Knopf, Inc., 1989. – 267 p.
14. Beauvoir S. de Une mort très douce / S. de Beauvoir. – P. : Gallimard, 1964. – 128 p.
15. Brodin P. Beauvoir dans littérature / P. Brodin. Paris : Nouv. éd. Debresse, 1956. – 480 p.